

ДО БІОГРАФІЇ ТА ЕПІСТОЛЯРНОЇ СПАДЩИНИ М.М.БАКАЯ

Вперше друкуються листи М.М.Бакая до Д.І.Багалія, що висвітлюють питання громадського життя та стану освіти Сибіру наприкінці XIX - на початку XX ст.

Микола Микитович Бакай (1862-1927) є вельми цікава постать, але малодосліджена. Разом із В.О.Барвінським, Є.М.Івановим, М.М.Плохинським, І.В.Теличенком, Є.П.Радаковою та Д.П.Міллером Д.І.Багалій його зараховує до своїх учнів¹. Усі вони свого часу працювали під його керівництвом у Харківському історичному архіві і залишили помітний слід у галузі історії та архівознавства. З огляду на методику їхньої підготовки, принципи написання перших наукових праць їх умовно можна б було назвати “Харківською документальною школою” (за аналогією із Київською вчителя Д.І.Багалія В.Б.Антоновича). Перерахованих вище дослідників О.П.Оглоблін вважає представниками старшого покоління учнів Д.І.Багалія і до молодшого зараховує ряд співробітників, що працювали на науково-дослідній кафедрі історії української культури у Харкові у 1920-х рр.: М.В.Горбаня, А.І.Козаченка, Н.Ю.Мірзу-Авакянц², які разом із київським (сам О.П.Оглоблін, Н.Д.Полонська-Василенко, В.О.Романовський) та одеським (М.Є.Слабченко) осередками кафедри утворили “нову революційну школу в українській історіографії”³. Але спеціального дослідження, присвяченого питанню створення Д.І.Багалієм власної історичної школи, на сьогоднішній день ще немає. Так само практично недослідженим залишається і доробок більшості науковців, яких відносять до його учнів.

На відміну від старшого і молодшого поколінь учнів Д.І.Багалія, М.М.Бакай належить до числа тих українських вчених, кому не судилось працювати над історією України і в Україні взагалі. Через те, що М.М.Бакай опинився у місті Красноярськ, ми маємо дуже мало відомостей про його наукову діяльність та приватне життя в Росії. Фактично єдиним джерелом інформації про цей період є листи М.М.Бакая до свого вчителя і друга Д.І.Багалія. Таких листів нараховується п’ятнадцять, що охоплюють 1885-1922 рр. Вони зберігаються в Інституті рукопису Національної бібліотеки України ім. В.І.Вернадського (далі - ІР НБУВ) та відділі рукописних фондів і текстології Інституту літератури ім. Т.Г.Шевченка Національної Академії Наук України (далі - ІЛ НАНУ). Треба зазначити, що М.М.Бакай писав доволі великі листи, докладно описуючи не тільки особисті справи, але і громадські. Він подає також цікаві відомості про стан освіти у регіоні. Деякі з них загубились через негаразди у роботі тогочасної пошти (як це видно із тексту самих листів).

М.М.Бакай народився 1862 р. у купецькій родині м.Гадяч Полтавської губернії. У 1886 р. закінчив історико-філологічний факультет Харківського університету і з 1887 р. викладав у гімназії історію та географію⁴. Під час навчання в університеті близько зійшовся із молодим приват-доцентом Д.І.Багалієм. Під його керівництвом М.М.Бакай почав працювати над темою колонізації, юридичного статусу та економічного розвитку Лівобережної України. Він ретельно опрацьовував архіви Полтавського губернського правління та депутатського зібрання, Рум’янцевський Опис Малоросії⁵. Д.І.Багалій

познайомив з результатами наукових пошуків свого молодшого колеги редактора “*Киевской Старины*” Ф.Г.Лебединцева і протягом 1884-1888 рр. на сторінках журналу з’явилися наступні розвідки молодого вченого:

Любопытный сборник документов в Гадяче (XVIII ст.). - 1884. - Т.10. - №12. - С.735-739.

Южнорусский дворянин XVIII века. - 1885. - Т.11. - №4. - С.717-742.

Городничий и св. Пятница (К истории народных суеверий). - 1885. - Т.13. - №12. - С.744-747.

Значение сельской громады в судебном процессе конца XVII в. - 1886. - Т.16. - №11. - С.567-569.

Уцелевшие остатки архива К.Г.Разумовского. - 1886. - Т.16. - №12. - С.743-746.

Полтавский адрес-календарь на 1887 г. Сост. под ред. секретаря Полтавского губернского статистического комитета Д.А.Трошинского. - 1887. - Т.17. - №3. - С.545-550.

Поездка гетмана К.Г.Разумовского в Батурын и Козелец. - 1888. - Т.21. - №6. - Отд.3. - С.74-75⁶.

Підготував М.М.Бакай і літографічний курс лекцій Д.І.Багалія з “*руської історії*” за 1883-84 рр.⁷

Але незабаром Д.І.Багалія спіткали значні труднощі із зайняттям ним кафедри у Харківському університеті, що спонукало його пришвидшити написання і захист докторської дисертації. Перебуваючи у непевному становищі, він не зміг допомогти М.М.Бакаю вчасно скласти магістерський іспит, що дало б йому змогу залишитись у Харкові. Через це він змушений був виїхати до Сибіру на викладацьку роботу у гімназії. Формальною причиною послужило те, що М.М.Бакай свою працю написав про волосні суди, що за тематикою більше відповідало юридичному, ніж історико-філологічному факультету⁸. Але Д.І.Багалій зміг надати йому рекомендаційні листи до професорів Казанського університету (І.М.Смирнова, Д.О.Корсакова, М.О.Осокіна). Вони мали допомогти М.М.Бакаю скласти за три роки магістерський іспит, а також познайомити його із вченими з найближчого наукового осередку - Томського університету⁹. У Томську М.М.Бакай завітав до бібліотекаря університету Кузнецова, який пообіцяв сприяти йому у наукових заняттях та познайомив із редактором “*Сибирского Вестника*”, від якого одразу ж отримав пропозицію про співпрацю. Наостанок молодий вчений зустрівся із попечителем учбового округу Флоринським, який дозволив йому вільно користуватися бібліотекою Томського університету, порадив зайнятися Туруханським архівом (який на той час просто розорювався) та висловив сподівання про можливе переміщення у майбутньому на роботу до Томську. Також М.М.Бакай зібрав відомості і про місце свого призначення - Єнісейськ. Йому розказали, що там є непогана бібліотека, місцева інтелігенція і за громадським життям це місто набагато краще за Красноярськ та інші сибірські губернські міста¹⁰.

Але М.М.Бакаю несподівано довелося стати викладачем саме Красноярської губернської жіночої гімназії, замість Єнісейської. До того ж, тут він мав викладати історію та словесність, а не історію та географію, як у Харкові. Так сталося тому, що через пияцтво був звільнений викладач цих дисциплін і М.М.Бакаю було вирішено перевести на його місце. Красноярська жіноча гімназія була непогано забезпечена матеріально: крім нерухомості, вона мала 25000 руб. основного капіталу. Для посилення педагогічного персоналу із Петербургу 1888 р. прислали викладачів і класних дам. Гімназія мала і власну бібліотеку, де М.М.Бакай знайшов праці Шльоцера,

Соловйова, Гловайського, Устрялова, Вебера та інш. На поповнення книжкового фонду у 1888 р. виділялось 400 руб., а в наступні роки - по 300. Загальна кількість учениць не перевищувала 250. До того ж М.М.Бакай мав отримувати 100 руб. на місяць (як і Д.І.Багалій, працюючи на посадах приват-доцента та екстраординарного професора у Харківському університеті). Але ситуація із викладацькими кадрами у всьому місті була вкрай незадовільна. Як помітив М.М.Бакай, деякі з інспекторів гімназій не закінчили університет, багато викладачів мали тільки середню освіту і часто викладали предмети не за фахом (наприклад, у Красноярській класичній гімназії російську мову та літературу читав студент юридичного факультету Казанського університету). Тому Миколі Микитовичу довелося викладати словесність. Але як сумлінний вчитель М.М.Бакай звернувся по допомогу у розробці курсу до М.Ф.Сумцова, побоювшись просити допомоги у О.О.Потебні, який би це сприйняв як *“высшую степень недобросовестности и шарлатанства”*¹¹.

Громадське життя у Красноярську неприємно вразило молодого викладача і змусило його вести, за його власним висловом, життя *“крота”*: *“При всем старании, я никак не мог найти хотя бы одной сколько-нибудь добропорядочной семьи: все пьют, картежничают, а, главное, сплетничают. Так живет все общество, в частности, так живут и педагоги, от которых за все время ни одной сколько-нибудь умной мысли не пришлось услышать. Для меня промежутки между уроками иногда бывают невыносимы, так как приходится нередко слышать то, чему место только в кабаке. Гимназия и квартира - вот два пункта, в которых приходилось проводить все время”*. Внаслідок цього М.М.Бакай цілком віддався праці над удосконаленням своїх гімназійних курсів та науковій праці. Приємною подією для нього стало обрання наприкінці березня 1889 р. членом Єнісейського губернського статистичного комітету¹². 1889 р. М.М.Бакай вирішив вивчати історію Сибіру: *“...ведь кто не идет вперед, тот идет назад; пройдет еще так год, отстану от умственных интересов еще больше, а там, пожалуй, и сибиряком стану”*¹³. У жовтні того ж року він повідомив Д.І.Багалію, що вже встиг ознайомитись з основними джерелами з історії Сибіру і наступного літа планує використати свою відпустку для занять у Московському архіві Міністерства юстиції¹⁴. Перехід до чоловічої гімназії, де М.М.Бакай читав історію та географію, дав йому можливість зосередитися на науковій роботі. У нагоді вченому стала приватна бібліотека заможного купця Г.В.Юдіна, яка на 1890 р. нараховувала більше 50000 томів. Це дозволило М.М.Бакаєві підготувати цілу низку статей: *“Общий обзор актов, относящихся к истории колонизации Сибири в XVIII в.”* (Збірник Єнісейської Губернської Статистичної Комісії), *“О составлении переписных книг Туруханска и Мангазеи в XVII в.”*, *“О библиотеке Юдина”* (єнісейські *“Губернські ведомості”*), розпочати працю над дослідженням *“Заботы Петра Великого о развитии промышленности и торговли в Сибири”*, робити щомісячні огляди історичних журналів (серед них і *“Киевской Старины”*) для *“Сибірського вісника”*. В той же час Д.І.Багалій повідомив М.М.Бакаю про можливість переведення до іншого учбового округу наступного року, коли закінчиться трирічний строк викладання у Красноярську. Микола Микитович висловив велике бажання залишити Сибір і перейти, наприклад, до Дерптського округу вчителем історії у класичній гімназії у губернському місті із залізницею¹⁵. Надія на переїзд до європейської частини Росії спонукала М.М.Бакаю повернутися до досліджень української історії. Так, у листі від 28 березня 1891 р. він повідомляв Д.І.Багалію про відправлення йому статті *“К истории колонизации Левобережной Украины в XV-XVI вв.”*. Писав М.М.Бакай і про

те, що наступного року планує порушити клопотання про переведення його до Дерптського або Кавказького учбових округів¹⁶. Але ця справа затяглась і врешті-решт не була вирішена.

Водночас М.М.Бакай активізував свою працю у жіночій та чоловічій гімназіях Красноярська. На прохання учениць і директора гімназії він погодився викладати історію у 8-му класі (це сталося вперше в історії жіночої гімназії)¹⁷. Продовжував він і дослідження історії сибірського краю. Наприкінці 1891 р. - в першій половині 1892 р. ним були завершені праці “*К вопросу об изучении Сибири*” (1890), “*Страничка из истории народного образования в Восточной Сибири в конце XVIII века*”, “*Мангазья - исчезнувший город Восточной Сибири и его торговое значение в XVII веке*”. Останню статтю М.М.Бакай планував прочитати у якості реферату на засіданні Харківського історико-філологічного товариства¹⁸. Збираючи матеріали для своїх досліджень, М.М.Бакай одним з перших звернув увагу на занедбаність архівної системи Сибіру. Він виступив за створення у Красноярську Єнісейської губернської архівної комісії та звернувся до генерал-губернатора з пропозицією здійснити заходи щодо збереження архівних документів¹⁹. Влітку і восени 1892 р. М.М.Бакай виїздив працювати у московських архівах, зокрема, Міністерства закордонних справ. Того ж 1892 р. сталися зміни і в особистому житті вченого: він одружився із вчителькою Ольгою Миколаївною Поповою²⁰. Матеріальне становище М.М.Бакая значно покращилось (він повідомляв Д.І.Багалію 1901 р., що отримує 2500 крб. на рік). Але сімейне життя М.М.Бакая склалось не дуже щасливо. 31 серпня 1901 р. померла його донька²¹, а в жовтні 1917 р. - дружина²².

У 1902-1917 рр. М.М.Бакай обіймав посади директора Єнісейської, Іркутської, Томської гімназій. У цей період він написав свої великі праці “*Тобольск во второй четверти XVIII в.*” та біографію “*сибірського Карамзіна*” - П.А.Словцова. 1918 р. вчений вийшов на пенсію, але через матеріальну скруту мусив повернутися до роботи. Спочатку він зайнявся організацією шкільної освіти на Західно-Сибірській залізниці, а незабаром був обраний членом та вченим секретарем Інституту дослідження Сибіру у Томську. З 1920 р. на прохання історико-філологічного факультету Томського університету М.М.Бакай читав лекції з історії Сибіру, архівознавства та історії Росії першої половини ХІХ ст. Ним були прочитані наступні доповіді на засіданнях Томського товариства історії, археології та етнографії: “*К вопросу о литературных занятиях декабристов в Восточной Сибири*” (текст надрукований у “*Сибирских огнях*” за 1922 р. №3), “*Н. Чернышевский в последние дни в Сибири*”, “*Первые декабристы в Восточной Сибири*”. Але найбільшим звершенням вченого як архівіста стало заснування Томського губернського архіву і праця на посаді його першого завідувача²³. Надзвичайно плідна праця М.М.Бакая тривала до самої його смерті 14 січня 1927 р.

Нижче подаємо листи М.М.Бакая до Д.І.Багалія з повним збереженням стилю автора. Виправлено лише описки і явні помилки, скорочення розкриті у квадратних дужках. Листи датовані 1885-1922 рр. і друкуються вперше.

¹Багалій Д.І. Автобіографія. 50 літ на сторожі української культури // Багалій Д.І. Вибрані праці: У 6 т. - Т.1: Автобіографія. Ювілейні матеріали. Бібліографія / Упорядкув., вступ. ст., комент. В.В.Кравченка. - Х.: ХГП “НУА”, 1999. - С.144-147.

²Оглоблин О. Пам’яті Дмитра Багалія (1857-1932-1957). (Дмитро Іванович Багалій і українська історична наука) // Український історик. - 1988. - №1-4. - С.94.

³Там само. - С.102.

⁴Палієнко М.Г. “Киевская Старина” у громадському та науковому житті України (кінець ХІХ - початок ХХ ст.). - К.: Темпора, 2005. - С.193.

⁵Лист Бакая М.М. до Багалія Д.І. від 13 липня 1885 р. - ІР НБУВ - Ф.І. - Од.зб.45536. - Арк.1-2.

- Автограф.
- ⁶Палієнко М.Г. "Киевская Старина" (1882-1906): Систематичний покажчик змісту журналу. - К.: Темпора, 2005. - 608 с.
- ⁷Багалій Д.І. Автобіографія. 50 літ на сторожі української культури // Багалій Д.І. Вибрані праці: У 6 т. - Т.І: Автобіографія. Ювілейні матеріали. Бібліографія / Упорядкув., вступ. ст., комент. В.В.Кравченко. - Х.: ХГ "НУА", 1999. - С.133.
- ⁸Там само. - С.144.
- ⁹Лист Бакая М.М. до Багалія Д.І. від 27 вересня 1888 р. - ІР НБУВ. - Ф.І. - Од.зб.45537. - Арк.1-3. Автограф.
- ¹⁰Лист Бакая М.М. до Багалія Д.І. від 18 листопада 1888 р. - ІР НБУВ - Ф.І. - Од.зб.45538. - Арк.1-4. Автограф.
- ¹¹Лист Бакая М.М. до Багалія Д.І. від 6 грудня 1888 р. - ІР НБУВ. - Ф.І. - Од.зб.45539. - Арк.1-5. Автограф.
- ¹²Лист Бакая М.М. до Багалія Д.І. від 2 квітня 1889 р. - ІР НБУВ. - Ф.І. - Од.зб.45540. - Арк.1-6. Автограф.
- ¹³Лист Бакая М.М. до Багалія Д.І. від 10 серпня 1889 р. - ІР НБУВ. - Ф.І. - Од.зб.45541. - Арк.1-6. Автограф.
- ¹⁴Лист Бакая М.М. до Багалія Д.І. від 28 жовтня 1889 р. - ІР НБУВ. - Ф.І. - Од.зб.45542. - Арк.1-4. Автограф.
- ¹⁵Лист Бакая М.М. до Багалія Д.І. від 29 грудня 1890 р. - ІР НБУВ. - Ф.І. - Од.зб.45543. - Арк.1-6. Автограф.
- ¹⁶Лист Бакая М.М. до Багалія Д.І. від 28 березня 1891 р. - ІР НБУВ. - Ф.І. - Од.зб.45544. - Арк.1-2. Автограф.
- ¹⁷Лист Бакая М.М. до Багалія Д.І. від 2 січня 1892 р. - ІР НБУВ. - Ф.І. - Од.зб.45545. - Арк.1-6. Автограф.
- ¹⁸Лист Бакая М.М. до Багалія Д.І. від 9 лютого 1892 р. - ІЛНАНУ. - Ф.37. - Спр.269. - Арк.1-4. Автограф.
- ¹⁹Лист Бакая М.М. до Багалія Д.І. - ІР НБУВ. - Ф.І. - Од.зб.45548. - Арк.1-6. Автограф.
- ²⁰Лист Бакая М.М. до Багалія Д.І. від 22 жовтня 1892 р. - ІР НБУВ. - Ф.І. - Од.зб.45546. - Арк.1-2. Автограф.
- ²¹Лист Бакая М.М. до Багалія Д.І. від 2 січня 1901 р. - ІР НБУВ. - Ф.І. - Од.зб.46414. - Арк.1-2. Автограф.
- ²²Лист Бакая М.М. до Багалія Д.І. від 23 листопада 1922 р. - ІР НБУВ. - Ф.І. - Од.зб.45547. - Арк.1-2. Автограф.
- ²³Лист Бакая М.М. до Багалія Д.І. від 23 листопада 1922 р. - ІР НБУВ. - Ф.І. - Од.зб.45547. - Арк.1-2. Автограф.

Передмова, упорядкування і коментарі **Г.М.СТАРИКОВА**

ЛИСТИ БАКАЯ М.М. до БАГАЛІЯ Д.І.

№1

1885 13/VII.

Спасибо Вам, дорогой Дмитрий Иванович, за письмо, за те интересные и приятные известия, какие заключались в нем. Сам я от души жалею, что не удалось достать 3 т[ом] Ак[тов] Ю[го]-З[ападной] Р[оссии]¹, хотя работать и так есть над чем.

Все вып[иски] Румянц[евской] Описи мною уже прочтены более или менее основательно, материал еще не систематизирован, но, очевидно, что тут больше всего данных для колонизации Левобережья, при том колонизации шляхетской и меньше указаний для колонизации козачьего сословия; есть данные для юридического и экономического быта козач[чинны] Левоб[ережной] Укр[аины]. Извлечено все необходимое из 7 тома Ист[орико]-Стат[истического] Оп[исания] Черн[иговской] епарх[ии]. Кроме того просмотрены материалы 4-х последних томов Актов Ю[жной] и З[ападной] Р[оссии], дневника Освенцима², Разрядов и проч.

В прошлом письме я Вам писал, что решил пересмотреть Полт[авские] Губ[ернские] Вед[омости] с 38-го года. Пересмотрел почти половину: этнографического материала весьма много; есть исторические документы, так: 2 универсала Скоропадск[ого], универс[ал] Корибута Вишневецкого на основание

Лубенск[ого] монастыря (интерес для колон.) и др., помещены в ведом. статье Дьякова: “Заселение константиноградск[ого] уезда”, составленная по местным преданиям и документам архива, находящегося при Констан[тиноградской] полиции.

До сих пор все историч. материалы переписывались мне любителями этого дела. Получил официальное разрешение для занятий в архиве Губерн[ского] Правл[ения], где занимается и Лев Васильев. Он намерен дать полный отчет о тех материалах, какие заключаются в этом архиве. Львом Вас[ильевым] просмотрен также архив казенной палаты, где ему удалось найти связки Румянцевск[ой] Описи (часть Гадячск. [?] и др.) или быть может это то, что нашел Лучицкий³. Во всяком случае о результатах своих поисков в архиве казен[ной] палаты Л[ев] В[асильев] написал записку для Киевск[ой] Стар[ины]: В уезде разбирают архив Миларадовича-Николайченко.

Я же думаю воспользоваться из архива Губерн[ского] Правл[ения] несколькими делами для дворянства. С 20-го посету по всей вероятности, архив депут[атского] Собрании, с которым хотелось бы познакомиться пообстоятельнее. Занятия мои теперь распределились так: утро в архиве, после обеда и вечером - домашняя работа.

Вы думаете ехать в Москву; если возможно будет, то потрудитесь справиться о существовании следующего сборника в арх[иве] м[инистерства] иностр[анных] дел: “Списки или копии универсалов или приказов, открытых, давних гетманов именно: Богд[ана] Хмельницкого и других, которые на добра якие шли з якою установою выданы”. Будете ли на археол[огическом] съезде во Львове, куда, как узнал из Южн[ого] Края, приглашены Вы и Эварн[ицкий]⁴? Передает вам поклон Лев Васильев. От меня поклон Марье Васильевне⁵, Вашей маме - Надежде Митрофановне.

Адрес мой до 5-го Августа прежний: Полт[ава] Московск. ряд. маг. Климова. Дмитрию Петров. Пиндруси для Н.Н. С 5го Августа: Гадяч, Собст[венный] д[ом] Н.Н.Б[акаю].

P.S. Сочинения Голубовского⁶ есть, Яблоновского⁷ сразу не нашлось, его выписал Кареев. Из Варшавы на днях получит.

ИРНБУВ. - Ф.1. - Од.зб.45536. - Арк.1-2. Автограф.

№2

Казань, 27 Сент[ября] [18]88 г.

Не без приключений, дорогой Дмитрий Иванович, обошлась первая треть моей дороги. Собственно приключения начались от Нижнего, где едва захватил последний пароход “Пермяк”, отходивший в Казань, во время начавшегося уже по Воле ледохода. Пассажиров набралось масса, так что места брались почти с боя при страшно повышенной таксе: билет 2го класса стоил 15 руб., 1го - 25 (обыкновенная плата 2 р. и 3). Ехали на пароходе от Нижнего до Казани три дня, претерпевая в пути и голод и холод и боязнь за жизнь. Дело в том, что за Нижним показался уже сильный ледоход, так что пароход попадал иногда в места сплошь занятые льдинами. Грохот от разбивающихся льдин производил крайне неприятное впечатление в каютах. Ночевать приходилось среди Волги - к берегу пристать было невозможно. На вторую ночь пароход настолько сильно захватило льдом, что двинуться можно было лишь после того, как машину пустили полным ходом. Пароход сошел с места, но сотрясение настолько было сильное, что в каютах льдом выбило несколько стекол. Переполох произошел страшный: предполагали, что пробит пароход. Весь 13^й день почти все

пассажиры питались только кипятком - в буфете не нашлось даже черного хлеба. В Казани пришлось переезжать на лодке Волгу, так как пароход к берегу не подошел. Я достиг берега благополучно. А следовавшую за мной лодку льдиной опрокинуло и б душ пошло ко дну. Таков был путь до Казани!

В Казани на 2ой день начал посещение профессоров. Первым посетил И.Н.Смирнова. После расспросов о Дм[итрии] Никол[аевиче] [?], он приступил к беседе о маг[истерском] экзам[ене]. На первый план, к моему удивлению, Смирнов выдвинул творение Спенсора: “история политическ. учреждений” и др., затем пошли имена Тейлора, Дрепера, Кольба, Кареева⁸ и пр. Это, как оказалось, историк-философ, или как его здесь именуют “спенсерист”. В конце беседы Смирнов сообщил, что “собственно он почти экзаменатором не будет и что вся сила в Осокине”, к которому дал визитную карточку. После Смирнова посетил Корсакова. Корсаков дал рекомендательное письмо к Флоринскому и библиотекарю Томск[ого] Универ[ситета] Осокин, приятель Флоринского, написал письмо к нему, где упомянул и обо мне. Васильев дал письмо к ректору Томского Университета и другим томцам-этнографам. Вообще казанцам великое сердечное спасибо пришлось несколько раз - за советы, за письма, а главное за тот искренний и радушный прием, на который я, конечно, не имел права рассчитывать. Что, напр., я для Осокина? А между тем такого человеческого отношения, какое я встретил у него, найти редко. Не говорю уже о Смирнове, Корсакове и Васильеве. Если нечто подобное я найду в Томске, то, право, не теряю надежды исправиться и снова уверовать в людей, как это было в былое, хотя и не отдаленное, прошлое. Конечно, много значило Ваше письмо и письма Дм. Никол., за которые тысячу раз скажу спасибо. Послезавтра выезжаю в Пермь с попутчиком. С Дубровиным о книгах переговорил... Сегодня получил подорожную, которая пришла вовремя. Искренний привет и поклон Марье Васильевне и Марье Александр., а также и Наташе. Не забывайте и пишите. Главное помните, что письма Ваши лучшее и единственное ободряющее здесь дружеское послание.

Н.Бакай.

P.S. Передайте поклон Петру Савичу [Ефименко]⁹ и Алекс[андре] Яковл[евне] [Ефименко]¹⁰, а также непременно и Николаю Федоровичу [Сумцову]¹¹ и Николаю Осиповичу [?], если не забыли меня.

РНБУВ. - Ф.І. - Од.зб.45537. - Арк.1-3. Автограф.

№3

Томск. 1888 г. 18 Ноября.

Дорогой Дмитрий Иванович!

Только вчера я добрался до Томска, проехал от Казани 2800 верст; из них 2000 на лошадях. Остановку сделал в Перми, в Тюмени по дню и в Омске на ? дня. От Тюмени до Томска 1500 верст на лошадях проехал в 7^{1/2} дней, останавливались лишь два раза в день на станциях, чтобы напиться чаю. Невзгод претерпел немало. С Казани я выехал с попутчицей. За 900 верст от Казани нас захватил буран; ехать дальше не было возможности, что, не смотря на ночь, пришлось остановиться среди поля. К свету сани-возок и лошади были покрыты снегом; ямщик-татарин с большими усилиями выбрался из кибитки, кое-как отпряг лошадь в деревню и только к 12 часам нас откопали. Близ Томска на Каме при переправе провалился лед и упряжка пошла ко дну. Если бы не ловкость провожатых, быстро обрезавших постромки, то

несдобровать бы и саням. Мы шли отдельно. С Перми я поехал сам, до Тюмени по железной дороге... Тяжел был для меня перевал чрез Урал и границу: я сильно чуть не заболел в Тюмени и поспешил выехать, решившись ехать до Томска насколько можно быстрее, чтобы физической усталостью заглушить работу мысли и сердца. По дороге в Томск под Омском ночью встретилась партия беглых-ссылных из 14 человек. Лошади остановлены были, но ямщик ободрил меня. Завел он разговор на непонятном языке... Оказалось, что ссылные просили хлеба, немного денег и покрывало, чтобы укутать небольшого ребенка на руках женщины. Я удовлетворил просьбу и мы расстались. На другой день по недосмотру ямщика на сильном ухабе, которыми покрыта вся сибирская дорога, сани так покачнулись, что я из кибитки вытолкнут был на передок, а ямщик под лошади. Я ударился лбом о козла, и рассек кожу до кости, а ямщик переломил руку. Кровь у меня лилась. Пришлось несмотря на мороз в 17 С градусов вынуть коньяк, кое-как замыть рану, перевязать ее платком и двигаться дальше, при чем ямщик сел в кибитку, а я на козла. Не обошелся благополучно и переезд через Обь. Воды в реке прибыло, лед несколько поднялся и стал тоньше. Меня провожало 10 провожатых; лошади были отпряжены. Возок благополучно перетащили, а одна из лошадей и здесь и утонула, после этих приключений, вчера, я наконец, приехал в Томск и вчера же начал посещение их, к кому были у меня письма. Прежде всего посетил библиотекаря университета - Кузнецова. Он любезно обещал все сделать, что только от него будет зависеть для занятий и сообщил, что отдел исторический у них очень богат, описан, пополняется современными изданиями и уже печатается каталог. С Кузнецовым в 8 часов вечера оправились к редактору - издателю: "Сибирского Вестника", сотрудником которого он состоит. Здесь я познакомился с другими сотрудниками. В том числе с сыном Коржа человеком очень опытным в издательском деле. Был приглашен к редактору на прием и получил предложение сотрудничать. Сегодня посетил Флоринского. Радужие и простота приема подкупили меня. Он обещал полный свободный доступ в библиотеку, интересовался планами на счет моей работы, рекомендовал осмотреть разоряемый Туруханский архив, наконец, высказал надежду на возможный мой переход в Томск, при перемещениях. Его здесь все любят и уважают. Странно было мне у попечителя встретить кабинет ученого весь заваленный книгами. Сам он в последнее время занимается историей и филологией.

Посетил директора гимназии Удовиченка с редактором, у которого и обедал сегодня. Книги буду выписывать через магазин Макушева, комиссионера университета. Завтра буду у ректора и завтра же думаю выехать, так как жить тут по финансовым соображениям дольше невозможно. В Томске я узнал кое-что уже об Енисейске... Флоринский заявил мне, что это по общественной жизни лучший уголок Сибири, что там есть сносная библиотека, есть интеллигенция и что этот город гораздо лучше Красноярска и других Сибирских губернских городов. Тоже сообщил и один из сотрудников Сибирского Вестника. Скоро увижу так ли оно. А пока, откровенно скажу, на душе не совсем легко. В особенности минуты грусти бывают часто в пути. Чего не передумаешь... Но тем не менее, представьте, я же еще ни разу не раскаялся, что оставил Харьков. Иногда, как например, в Тюмени, где я расстался с последней. Хотя и новой, но приятной, знакомой, мне делается очень тяжело, и только воспоминания о пережитых впечатлениях в Харькове примеряет меня.

Жму крепко руку Вам, дорогой Дмитрий Иванович. Поклон Марье Васильевне и Наташе напомните обо мне. Кланяйтесь в университет Сумцову, Куплев[аскому]¹² и архиву. Остаюсь искренне предан Вам.

Н.Б.

В Томске я еще щеголяю в пальто - здесь всего 10 градусов.

В дороге испытал морозов 32° С.

РНБУВ. - Ф.1. - Од.зб.45538. - Арк.1-4. Автограф.

№4

Красноярск
1888 г. 6^е Декабря.

Дорогой Дмитрий Иванович!

Совершенно неожиданно пришлось мне сделаться преподавателем Красноярской губернской женской гимназии, вместо Енисейской, притом преподавателем истории и словесности вместо истории и географии. Все это произошло следующим образом: в мае месяце преподаватель истории и словесности Красноярск. женск. гимназии был уволен за небрежность и пьянство; в сентябре же в Красноярск переведен директором классической гимназии директор Енисейской прогимназии, почему-то пожелавший переместить меня из Енисейска в Красноярск на открывшееся место. Генерал-губернатор дал согласие. Обо всем этом я ничего не знал до самого Красноярска. В Томске, когда осматривал университетскую библиотеку, познакомился с инспектором студентов, который передал через меня начальнице Красноярской женской гимназии письмо и посылку. Приехав в Красноярск, я остановился на сутки, чтобы отдохнуть и исполнить поручение. В 12 часов являюсь в женскую гимназию, увиделся с начальницей, вручил письмо и, вдруг, оказывается, что я (когда она узнала мою фамилию) перемещен в Красноярск и что меня здесь ожидают с нетерпением, так как едва удалось уроки истории и словесности раздать учителям классическ. гимназии. Вот каким образом я очутился в Красноярске. Уроков теперь у меня 22 - 12 историй; 10 словесности, при том я отказался наотрез взять в этом году 8^й класс. Получаю 100 руб. с лишком в месяц. Гимназия женск[ая] Красноярская в этом году, после печального прозябания обновилась. В материальном отношении она обеспечена хорошо: кроме недвижимости имеется 25.000 основного капитала. Здание - вполне приспособленное - в миниатюре это Харьковское реальное училище. Но с самого основания гимназии, с 1871 г., педагогический персонал ее с начальницей во главе слишком хромал. Только в прошлом году министерство прислало от себя начальницу, бывшую начальницу Томбовской гимназии, которая много уже успела сделать и для Красноярска. Все прежние классные дамы, преподавательницы и преподаватели с приездом начальницы должны были подать в отставку.

С Петербурга присланы были и учителя, и преподавательницы-курсистки и 8 классных дам. В число нового состава преподавателей попал, по воле Ген[ерал]-Губернатора, и я. Грустно только, что на мою долю выпала труднейшая часть гимназического курса - словесность, тем более мне неприятно, что ведь я никогда ею не занимался. Да и с письменными работами возни будет немало. Конечно, меня утешает несколько в этом отношении то, что словесность и история литературы мне не противны, что, следовательно, я с охотой и любовью могу отнестись к преподаванию и этих предметов. Тем более, что в Красноярской даже классическ[ой] гимназии Русск[ий] яз[ык] и литер[атура] читаются действ[ительным] студ[ентом] юридич[еского] факультета Казанского унивесит[ета]. Здесь таких курьезов немало: есть даже инспектора гимназий не окончившие университетов, преподавателей

гимназий очень много со средним образованием. В Красноярске положение мое несколько выгоднее в материальном отношении. Да здесь, когда явится возможность, можно будет заняться и своим делом. В женской гимназии имеется недурная фундаментальная библиотека, где я нашел: Соловьева, Шльоцера, Иловайского, Устрялова, Вебера и др. пособия. Кроме того, на библиотеки ученическую и фундамент[альную] в этом году ассигновано 400 рубл., а в следующем по 300 руб. в год. Занятия я уже начал с 1го Декабря. Дел будет много. Всех учениц в гимназии более 250. Меня посещают в VI и V классе ученицы VII и VIII классов, так что иногда класс битком набит.

С педагогами местными едва ли мне придется сойтись: слишком мало между нами общего, а зеленое поле и хлебное вино и подавно не соединят нас. Может быть, ближе несколько стану к красноярскому преподавателю истории в мужск[ой] гимназии, уроженцу Переяславля. Он даже наукой занимается: издает (не ведаю для кого и для чего) исторический, этнографический, статистический и экономический словарь, хотя до сих пор издание дальше буквы А не двигается. Я до сих пор не получил еще из Енисейска ни прогонов остальных, ни жалованья, за которое, вероятно, придется вести переписку с Енисейким попечительным советом.

Как только немного приду в себя - позабочусь о шубе Марье Васильевне. Это письмо, вероятно, Вы получите во время праздников, поэтому есть надежда, что воспользуетесь свободным временем и откликнетесь весточкой. Я до сих пор ни из дому, ни от знакомых ничего не имею. Вообще отсутствие газет, журналов и, главное, живых людей нагоняет на меня порядочную тоску, да плюс еще сильные страдания от катарра. Пока, единственное утешение нахожу во время уроков в VII классе, где, как-то случайно, большинство учениц умных и развитых. С грустью задумываюсь над тем, что я связан с Сибирью на 3 года, а тут еще не свое дело делаешь; а когда пойдут свои занятия - Бог ведает. На днях буду писать Николаю Федоровичу, просить советов и указаний. Сначала думал было обратиться я к Александру Афанасьевичу [Потебне]¹³, но зная, что он увидит в моем преподавательстве словесности высшую степень недобросовестности и шарлатанства - отказался от этой мысли. А я же в этом виноват?

Шлю искренний поклон Марье Васильевне, Марии Александровне и Наташе, и Петру Саввичу.

Адрес: Красноярск, женская гимназия.

В Красноярске теперь стоит всего 5 градусов холода. Я все время хожу в пальто. Вчера было 2 тепла и по улицам кое-где стояла вода Н.Б.

ИРНБУВ. - Ф. I. - Од.зб.45539. - Арк.1-5. Автограф.

№5

1889. Апрель 2

Сердечное спасибо Вам, Дмитрий Иванович и Мария Васильевна, за Ваши письма. Вы, вероятно, негодуете на меня за мое молчание?.. На первое ваше письмо, полученное в начале Февраля, я ответил вскоре, но оно не дошло до Вас по следующей причине: где-то вблизи Омска почта была ограблена, и только на днях почтовое ведомство сообщило мне, что и мои два письма - заказное Вам, а денежное домой - не дошли к месту назначения. Таким образом, отвечаю теперь и на первое и на второе Ваши письма.

Живется мне в Красноярске сносно, но только лишь сносно, живу особняком, так как иначе устроиться невозможно. При всем старании, я никак не мог найти хотя

бы одной сколько-нибудь добропорядочной семьи: все пьют, картежничают, а, главное, сплетничают. Так живет все общество, в частности, так живут и педагоги, от которых за все время ни одной сколько-нибудь умной мысли не пришлось услышать. Для меня промежутки между уроками иногда бывают невыносимы, так как приходится нередко слышать то, чему место только в [к]абачке. Ни о литературе, ни о местных вопросах, ни вообще о жизни общественной ни слова, хотя все преподаватели с высшим образованием, большинство из институтов. Конечно, сойтись с кем-нибудь из коллег коротко я и не мечтаю, а потому ни искренней дружеской беседы, ни советов, ни ответов на возбуждающие меня вопросы, я с самого приезда нигде не мог найти. Пресловутых, тесных, искренних кружков сибирской интеллигенции и помину нет. Вот почему, как ни тяжело, но держусь в стороне; веду жизнь “крота”, хотя и удручен этим положением “дела”. Физически чувствую себя также не особенно ладно. Усталость иногда бывает настолько сильная, что я едва просиживаю 5^е уроки. Всех уроков у меня теперь 32. За смертью одного из преподавателей, по предписанию генерал-губернатора, должен был взять несколько уроков в классической гимназии; 2 урока в воскресенье (чтение по литературе). Работы в гимназии гибель: преподавание запущено невообразимо. В мае будет ревизия - главного Инспектора и генерал-губерн.; я, конечно, кроме замечаний о недостатках, о слабости знаний - другого ничего не ожидаю. Свои занятия в загоне; и когда к ним приступлю, не ведаю. Все бы, впрочем, ничего, если бы здесь были, хоть нравы не настолько грубы. Гимназистки до такой степени резки, что сначала я отправился в Томск и Тобольск не для каких-то научных занятий, а имея в виду на дороге в Томск перехватить поехавшую в Россию с матерью гимназистку, еврейку, ученицу VII кл. Но это мне не удалось лишь благодаря отпору матери... Затем другие слухи несколько были по характеру подобны этому и еще более нагло оскорбили людей (и меня) ни в чем неповинных, но в силу лишь своей именно нравственной добропорядочности мозоливших глаза лицом, давно потерявшим человеческий облик... Все это вместе взятое до того задело меня, так глубоко оскорбило, что я на некоторое время потерял душевное равновесие, если оно только было у меня. Проходили дни, я все больше и больше сосредотачивался в себе самом; окончательно вошел в себя и подверг самозаключению. Гимназия и квартира - вот два пункта, в которых приходилось проводить все время. В течение каких-нибудь двух месяцев я сильно изменился: никто не видел иного у меня выражения на лице, кроме грусти; смеха также никто не замечал. Так время шло. Наконец, раз директор (человек иногда добрых качеств) пригласил в кабинет и спросил чем обуславливается то тяжелое настроение, в котором я нахожусь. Я, конечно, рассказал обо всем. Он сердечно просил меня ни в какие нелепые слухи не верить, так как Красноярск издавна отличался этим милым качеством.

Объяснение это несколько успокоило меня, хотя нельзя сказать, чтобы совершенно устранена была горечь всех их нелепых толков, которые нарушили мое душевное спокойствие. Хорошо еще. Что я стал более или менее серьезно относиться к своим учебным занятиям, да есть и другие работы. Это средство несомненно помогло мне и помогает выйти из затруднительных обстоятельств своего душевного мира и вместе с тем сохранить те лучшие качества, которые были присущи мне раньше. Более или менее приятно было для меня узнать и о моем перемещении в мужскую гимназию. Только теперь явилась возможность опять заняться историей, так как были устранены “тетрадки”, не дававшие раньше мне покоя. Между тем со дня окончания университета прошло 4 года. Были светлые надежды? Есть ли теперь? Едва

ли. По крайней мере, на многое смотреть иными глазами; относиться к себе. Да, север изменил меня и, по всей вероятности, не к лучшему, если не для людей, то для себя.

К Вам, уважаемая Мария Васильевна, обращаюсь с просьбой, которую думаю, при удобном случае Вы не откажитесь исполнить. Если Вам придется увидеть где-либо Николая Федоровича Сумцова, то узнайте - вычеркнут ли я из списка членов харьковского Истор.-Фил. Общества или попал в члены-корреспонденты, как предлагалось раньше с изменением устава? Вообще в каком положении находится вопрос о моем членстве. Если я состою членом, то мне нужно иметь на это доказательство в виде билета или чего-либо другого. Если причитается с меня взнос, то его вышлю.

Вероятно, этот вопрос может разрешить и Дмитрий Иванович, но так как Дмитрий Иванович едва ли согласится написать мне об этом, то я и обращаюсь к Вам, быть может, несколько затрудняя Вас своей просьбою. На днях я избран членом Енисейск[ого] Губерн[ского] Статист[ического] Комитета по предложению нового губернатора. Кажется, деятельность нашего Стат[истического] Комитета несколько оживится, по крайней мере, предполагается передать Енис[ейские] Губерн[ские] Ведом[ости].

Если пожелаете познакомиться немного с бытом Сибири, а следовательно, отчасти и с тем обществом, в котором мне приходится жить, то прочтите ст. Астырева в сентябр[ьской] кн[иге] Русской Мысли (№ 9, этот год). Статья принадлежит знатоку крестьянства и хотя относится непосредственно к быту крестьян, но черты крестьян за немногим исключением могут быть перенесены и на местную интеллигенцию. Нужно лишь их несколько смягчить.

Обнимите и поцелуйте милых и дорогих Олю и Наташу. Сердечный поклон Дмитрию Ивановичу.

Искренно и глубоко уважающий Вас Н.Бакай.

Поклон Сумцову.

P.S. Холода с половины Декабря до начала Марта стояли ужасные: от 38-42 [градусов]. В настоящее время бывают морозы 8-10-12[градусов]. Реки вскроются в конце Апреля. Занятия зимой, не смотря на холода, не прекращались. Последний циркуляр министерства только при 45 разрешает занятия прекратить. Было несколько случаев, что целые обозы замерзали. У меня 2 раза сошла с лица кожа.

Н.Б.

Где будете летом?

ИРНБУВ. - Ф. I. - Од.зб.45540. - Арк.1-6. Автограф.

№6

Красноярск 10-е Авг[уста] [18]89 г.

Дорогой Дмитрий Иванович!

Вчера возвратился из Минусинского округа, где пробыл весь Июль и половину Июня; вчера получил и Ваше письмо, и речь - сердечно благодарю за то, что не забыли меня; вчера же вечером прочитал в № 190 газеты "Новости" о том, что Вы и Сумцов утверждены с 1-го Июня ординарными профессорами. Новость эта до такой степени произвела на меня сильное впечатление, что я не мог в Библиотеке более сидеть, пошел к кой-кому из сослуживцев поделиться своей радостью, но им, конечно, не совсем она была понятна. Не знаю - ожидали ли Вы ординатуры, но я так скоро не предвидел, особенно для Сумцова, принимая во внимание интриги в университете. Ясно, что Вы, а за Вами и Сумцов стоите вне этих интриг; ясно, что Вы и он устойчивы и без Карловичей¹⁴ и что его мощная рука по отношению к Вам

оказывается немощной. Вы теперь достигли желанного предела, но что всего важнее - это условия, при которых достигнута ординатура. Повторяю - я рад бесконечно, крепко целую Вас, поздравляю, а за меня уже поздравьте и почтенного Николая Федоровича. Жалею, что поздно получил Ваше письмо, так как решение вопроса о шубе для меня важнее было бы знать до отъезда из Красноярска. В Минусинском округе на озере Широ мне пришлось познакомиться с Енисейскими золотопромышленниками и торговцами пушным товаром, приехавшими на Широ лечить ревматизм и другие недуги. Я не забыл о шубе... Беседовал с ними по этому поводу. Оказывается, что меха привозят из тайги в Ноябре, Декабре, так что только в это время и можно в Енисейске (Красноярск получает из Енисейска) подобрать что-либо, чтобы выбрать хороший мех придется покупать цельные шкуры, так что волея-неволей выйдет два меха, потому что только известные части шкурки пойдут на один мех, чтобы мех был однообразный, а другие - на другой. Теперь придется завезти с знакомыми в тайге переписку, хотя ответ не так скоро получу.

Лето проведено мною не скажу, чтобы с пользой. Гораздо лучше было бы ехать в Томск для занятий, но экзамены меня так утомили, что требовался отдых, почему я и избрал поездку в "Италию Сибири", отчасти, действительно, напоминающую нам благодатный юг. Экзамены сошли у моих учениц и учеников благополучно. Начальство довольно, заметило даже, что я слишком строг. Тяжело мне пришлось на экзаменах потому, что экзаменовал нередко не только своих, но и чужих учениц: один преподаватель несколько раз являлся на экзамен в нетрезвом виде, за что перемещен далеко на Восток в уездное училище, другой в дни экзаменов болел, а злые языки объясняли его болезнь незнанием курсов. Наконец пришлось председательствовать в экзаменационных комиссиях. Последнее особенно неприятно было мне: заметны были глухие намеки, глупые насмешки, тогда как я только лишь исполнял в данном случае предписание начальства. Год закончился бы вполне благоприятно, если бы не донос (на 35 листах) на женскую гимназию, посланный к генерал-губернатору по следующему поводу. В начале Мая начальница посадила в одиночное заключение двух учениц 8 класса (по 20 лет) за дерзость учителю математики. Виноваты были ученицы в следующем: учитель математики, выйдя раз из комнаты начальницы, встретил в коридоре одну из учениц 8-го класса, которая обратилась к нему с вопросом: "Вы, вероятно, ходили докладывать начальнице о поставленных у нас двойках? напрасно, мы и сами уже заявили ей об этом". Другая ученица просто стояла вдали. Математик раньше такие доклады делал. Я более или менее знаю ученицу, предложившую вопрос математику и думаю, что она сделала это бессознательно, по наивности или просто по глупости. Сыр бор загорелся... Без педагогического совета были наказаны ученицы, а затем они подали увольнение... Наконец, отец одной из уволившихся послал донос генерал-губернатору. Я имел в руках копию доноса. Документ этот во многих отношениях интересный: по нему прекрасно можно изучить некоторые бытовые черты местного общества, но особенно беззастенчивую, не знающую пределов сибирскую клевету, которая так резко выступает и в жизни семейной и в жизни общественной. В доносе 4 раза упомянута моя фамилия, но меня скорее хвалят, чем порицают. По крайней мере, указания на мою настойчивость в занятиях, на мои отношения к ученицам 8-го класса, отличаются положительным характером. Чем это объяснить - еще не знаю; но думаю, что моя полная изолированность от местного общества (я еще не пью и в карты не играю) тут много помогла. Особенно жаль, что в доносе не только оклеветали, но и оскорбили совершенно неповинных в этом деле некоторых преподавателей. Донос,

конечно, не достиг целей - увольнения начальницы, преподавателя математики и преподавательницы матем[атики], но по всей вероятности, в Иркутске все же ему до известной степени поверили. Другое совершенно было бы дело, если бы была подана жалоба, вероятно, она бы имела и другое значение.

Новый учебный год начнется с 15-го - 20-го Августа. Кажется, он не будет особенно удобным для меня. Дело в том, что по достоверным слухам мне предлагают дать 7-й и 8-й класс (истор[ия] и геогр[афия]) в Мужской гимназии снова, чего я очень и очень не хотел бы, так как изображать заплату на прорехах классической гимназии не особенно приятно, да это неблагоприятно отразится и на женской гимназии, где мне хотелось бы сосредоточить исключительно свою деятельность, а не двоиться. Не виноват я, что в классической гимназии имеется 7 специалистов и ни одного историка, ни одного слависта, если не считать таковым действительного студента юрид[ического] факул[ьтета], занимающего уже 10 лет кафедру словесности в мужской гимназии. Кроме того, мне в этом году, кажется, хотят навязать педагогику. Тогда как я думал, наконец, познакомиться в этом году с историей Сибири; да и вообще хоть от литературы не отставать, а то прошлый год был неблагоприятен для меня; я ничего не делал для себя; не было времени, а ведь кто не идет вперед, тот идет назад; пройдет еще так год, отстану от умственных интересов еще больше, а там, пожалуй, и сибиряком стану...

Все может случиться. Хотя пока держусь на ногах. Искренний глубокий поклон Марье Васильевне. Наконец целую. Кланяйтесь знакомым. Пишите в каком положении диссертация Буцинского¹⁵? Не забывайте, что письма Ваши охраняют меня от влияния многих здешних неблагоприятных условий.

Н.Б.

Сообщите о государственных экзаменах: как идут, каковы результаты?

Вчера узнал, что педагогика действительно поручена мне. Если Вас не затруднит, то узнайте какие руководства приняты в Харьковских женских гимназиях? Какие пособия и какова программа? Мне думается, что Зеленогорская не откажется помочь. Если не обременит Вас, то сообщите скорее.

Бакай.

ИРНБУВ. - Ф.1. - Од.зб.45541. - Арк.1-6. Автограф.

№7

28-го Окт[ября] [18]89 г.

Вы, конечно, дорогой Дмитрий Иванович, получили мое письмо, посланное в Августе и, следовательно, обвинение в молчании теперь с меня снято. Что касается Корсакова, то и ему послано было письмо в Марте, но, очевидно, затерялось, так как было послано не заказное. Вообще к местным почтовым порядкам можно привыкнуть только мало-помалу. У нас только на днях установилось более или менее правильное сообщение с Россией, так как зима установилась вполне с 22-го Сентября и с этого времени переправы через реки были крайне затруднительны, то и почта доставлялась и отправлялась неаккуратно: третьего дня получено было 17 почт сразу. Вот почему и это письмо отправлено несколько замедлив.

Теперь, после письма Вашего, когда я узнал о противодействии со стороны Карловича¹⁶ [Надлер В.К.] относительно Вашей ординатуры, еще более обрадовался получению ее Вами. Что касается меня, то пою все одну и ту же песню: работы много, но работы нередко глупой, еще чаще официальной, сухой... Теперь много

приходится работать над педагогикой и курсом методики географии для VIII кл[асса]. Так как у меня три раза в неделю по 5 уроков, да еще, по всей вероятности, будут вечерние занятия, то устаю сильно и дома работа идет плохо, медленно.

Немного познакомился с главнейшими источниками по истории Сибири и хотелось бы в Июне выехать в Россию, чтобы в Июле позаниматься в архиве Мин[истерстве] Юстиции, посетить родину, увидеть Вас и затем опять в Сибирь, к которой я за последнее время значительно привык. Не откажите, если сочтете возможным, прислать мне что-либо вроде карточки своей, чтобы я мог обратиться к Оглоблину за некоторыми расспросами, если только поездка будет окончательно решена, что будет зависеть от совета гимназии - выдать ли вперед мне за три месяца жалованье или нет? В нашей гимназии значительные перемены: почти весь учебно-воспитательный персонал новый; приехали 4 институтки петербургских институтов. В особенности полезна гимназии приехавшая из Политехнического института и бывшая на курсах. К сожалению, зависть взяла многих и на днях был открыт новый донос одной из классных надзирательниц (немой) на приехавшую... Окончилось дело объяснениями, но кто же после всех этих мерзостей, отравляющих положительно жизнь, подрывает энергию, будет друг к другу относиться сколь-нибудь искренно. Вот почему почти всем нам приходится без нужды прятаться по углам, замкнуться - вообще изображать немых, но, к сожалению, не глухих...

У меня теперь в Красноярске есть несколько семейных домов знакомых, но положиться на их верность пока нельзя...

Почему и сижу в большинстве часов дома, даже в свободное время. Только недавно получил "Киевскую Старину"; пришел в восторг от Чалого. Больше потому, что там слишком много знакомых картин моего детства. Будьте так любезны, Дмитрий Иванович, сообщите, где находится экземпляр "Киевской Старины", высланный редакцией в этом году в Харьков мне, как сотруднику. Если его можно найти, то не откажите переслать в редакцию в Киев. Будет ли издаваться "Киевская Старина" в 1890 г. - сообщите. Напишите о государственных экзаменах подробно, а также о диспуте Буцинского, сочинение которого я выписал, но еще не получил. Рецензию на курс Осокина читал, возмущался и представлял себе, как обрадовались, прочтя ее, Карлович и присные его. Держал ли магистерский экзамен Ласшенч? Думаете ли быть на археологическом съезде в Москве? Жду письма от Вас [с] нетерпением. Здорова ли Мария Васильевна? Вам, глубокоуважаемая Марья Васильевна, шлю искренний привет и сердечную благодарность за Ваши приписки в письмах. Несколько теплых слов много значат в этой жизни. Если будете иметь возможность, то сообщите о моих знакомых - Григорьевой и Ольге Алексеевне Заленской? Что с последней? Наташу поцелуйте, Марине - кланяйтесь. Остаюсь искренно и глубокоуважающий Вас

Н.Бакай.

Нельзя ли будет выписать мне курс лекций по географии Краснова, похлопочите. Вашу статью о Новороссии читал и своим ученикам VII и VIII кл[ассов]. Брали домой, заинтересовавшись. Мне очень и очень понравилась она.

Новый наш Генерал-Губернатор Горемыкин проездом посетил нашу гимназию. ? часа был у меня на уроке географии в VII кл[ассе]. Сам спрашивал, отвечали прекрасно и сознательно.

IP НБУВ. - Ф.І. - Од.зб.45542. - Арк.1-4. Автограф.

С новым годом!

Дорогой Дмитрий Иванович!

Получил я Ваше письмо совершенно неожиданно. Вы не забыли, конечно, что за целый год это второе Ваше письмо: 1-е получено в Феврале, 2-е - в Декабре. Поздравляю с получением от Акад[емии] Н[аук] золотой медали; сердечно рад Вашему новому успеху, о котором узнал прежде всего из "Историч[еского] Вестн[ика]". Читал и напечатанное в "Журн[але] Мин[истерства] Н[ародного] Пр[освещения]" извлечение из Вашего отзыва о книге Лазаревского¹⁷. По моему, более сочувственного отношения, большей теплоты и серьезности, какими проникнуто извлечение - и желать невозможно. Хотя я и не читал Вашего отзыва, но до некоторой степени могу себе представить, как Вы усердно работали над его составлением и насколько капитальна Ваша работа! Надеюсь Вы вышлите мне отгиск отзыва, если он будет напечатан или, по крайней мере, сообщите, в каком Академическом издании он будет помещен. Ведь и я когда-то интересовался Левобережьем; интерес существует, но активно проявиться он не может...

В письме Марии Васильевне я сообщил уже кое-что из своей Красноярской жизни за последнее время. Переход мой в мужскую гимназию благоприятно отразился на моих занятиях историей. Явилась теперь только возможность почти исключительно сосредоточиться на исторической подготовке. Первое полугодие это дело шло несколько несистематично: мне много пришлось работать для гимназии, так как мой предшественник многих курсов и притом в больших размерах не довел до конца. В своих занятиях я руководствовался Вашими указаниями, данными при отъезде и программой Лихачева, полученной в Казани. С нового года надеюсь вести дело систематичнее, так как и в гимназии согласно программе. Со 2-го полугодия идет курс Русской Истории. Пособия кое-какие выписал. Выписал даже некоторые материалы ("Акты" для истории Сибири). Вблизи Красноярска (в 5-ти верстах) живет на заимке богатый купец Юдин, владелец значительной библиотеки, состоящей в настоящее время более 50 тысяч. Я пользуюсь отчасти и книгами этой библиотеки, хотя занятия в ней крайне стесняют: на дом книги не выдаются; многих пособий и источников все же нельзя найти - даже дл истории Сибири. Я посещаю библиотеки лишь в праздничные дни, но много ли успеешь сделать? Кроме того, так как по предложению губернатора я избран в члены Ен[исейской] Губ[ернской] Стат[истической] Ком[иссии], то я обещал для сборника статью: "Общий обзор актов, относящихся к истории колонизации Сибири в XVIII в."

Я приглашен также и в Комиссию по преобразованию неоф[ициальной] части Енисейск[их] Губ[ернских] Вед[омостей]. Приготовлены небольшие статейки: "О составлении переписных книг Туруханска и Мангазеи в XVII в.", "О библиотеки Юдина"; рецензия на книгу Кузнецова? - "Материалы для истории. Акты". С Сентября ежемесячно в Сибирский Вестник помещал обзоры исторических журналов, но от последней работы с нового года отказался, как от работы срочной и малополезной.

При Вашем содействии и указаниях хотелось бы приготовить для Журн[ала] Мин[истерства] Н[ародного] Пр[освещения] статью на тему: "Заботы Петра В[еликого] о развитии промышленности и торговли в Сибири". Не откажите сделать указания, хотя на главнейшие материалы и пособия. Я выписал указатель литературы о Петре В[еликом] - Метова; и также Памятники для истории Сибири в XVIII в.

Если бы больше было времени, если бы я лучше чувствовал себя физически, а особенно, если бы не тяжело жилось в духовно-нравственном отношении, то, конечно, работать можно было бы и больше. В настоящем году у меня 23 урока, в прошлом - 28, и за целый учебный год я не пропустил ни одного урока. Устал порядочно, отдыхать не приходится. Вокруг меня только сплетни и та среда, с которой не было (хотя и были попытки) и нет точек соприкосновения. Все это вместе взятое заставило меня изолироваться от местных людей и их гадостей. Тем не менее, не смотря на полную необходимость при подобных обстоятельствах, подавить у себя всякую общительность с людьми, я чувствую, как это трудно дается и в тоже время как неприятно отражается на душевной жизни. Поэтому-то, принося благодарность Вам за предложение о переходе на службу в Россию, я, после некоторых раздумий, решил оставить Сибирь, употребить предстоящие каникулы на ближайшее знакомство с некоторыми пунктами Енисейского края, что, по всей вероятности, пригодится на будущее время. Тяжело здесь жить, нелегко и в России, в чем меня убедил первый опыт службы, но все-таки там у Вас легче... Срок обязательной службы оканчивается в Июне, срок трехлетний, а так как о переходе можно хлопотать лишь после окончания срока, то потому волей-неволей придется еще годик протянуть в Сибири. Тем временем можно будет заблаговременно подать прошение в некоторые округа, если бы не удалось попасть в Дерптский. Тем более, что мне хочется непременно попасть в классическую гимназию учителем истории и притом в губернский город, при железной дороге.

Я с Дерптским учебн[ым] округом мало знаком; вероятно, Вы сообщите мне сведения о попечителе и о переменах последнего времени в тех краях, наконец, о времени, когда удобнее подать прошение. Не забудьте также, дорогой Дмитрий Иванович, написать мне, состою ли я членом Харьк[овского] Истор[ико]-Фил[ологического] Общ[ества], если состою, то вышлите билет, деньги, сколько потребуется, вышлю. Если меня уже вычеркнули, то нельзя ли сделаться членом-корреспондентом. Напишите также как имя и отчество Оглоблина¹⁸. К нему с кое-какими запросами необходимо обратиться.

В середине Июля в Красноярске ожидается приезд Наследника Цесаревича с Владивостока. Уже теперь заметны кое-какие приготовления. Хотя у нас каникулы начинаются с 1 Июня по новому распоряжению министерства, то отпуск можно для выезда лишь получить до 15 Июля, так что придется несколько ограничить время каникулярных поездок. В Россию же, кажется, совершенно не будут давать отпусков. По всей вероятности, придется шить и мундиры. Спустя слишком год, т.е. каникулы 1892 года я, если буду жив и здоров, во что бы то ни стало провожу в России, а может к этому времени и совершенно удастся уехать в Россию.

Сообщите где и когда Буцинский защищал диссертацию. Я еще раз прочитал его сочинение и еще раз убедился в том, какой смелостью обладает он, делая те или другие выводы: хотя легко заметить насколько незначителен запас материалов, которыми он располагал.

В библиотеке мне пришлось просмотреть диссертации Чечулина, Якушкина и Лаппо-Данилевского¹⁹. Особенно понравилось исследование Лаппо-Данилевского.

Кто в настоящее время работает в архиве Малоросс[ийской] Коллегии и вообще в каком положении архив?

Преданный Вам и всегда помнящий Вас Н.Бакай.

P.S. Пишите скорее.

IP НБУВ. - Ф. I. - Од.зб.45543. - Арк.1-6. Автограф.

Красноярск 1891 марта 28 день.

Спешу глубокоуважаемый Дмитрий Иванович, ответить на Ваше письмо и выслать Вам статью: “К истории колонизации Левобережной Украины в XV-XVI в.”. Если возможно будет, то поместите статью без сокращений, т.е. и историко-топографический очерк. Не откажите также выслать 60-70 оттисков статьи; причем издержки на бумагу и переписку будут мною возвращены. Сожалею, что не имею под руками работы Лазаревского, и потому, вероятно, в статье будут недочеты; я выписал “Описание Малороссии”, но когда получу не знаю, а послать статью поспешил потому, что скоро мне будет отрезаны надолго от России по случаю разлива реки. “О Консистентах”, если находите возможным, то поместите в сборнике. Если бы избрание меня в члены общества состоялось до каникул, то не откажите выслать членский билет. В этом же письме посылаю Вам и программу магистерского экзамена по Русской истории. Это программа Казанского Университета; по этой программе держал экзамен Лихачев. Признаете ли Вы ее пригодной для экзамена? Отчасти из письма Марьи Васильевна, отчасти из газеты узнал о значительных переменах в составе профессоров историко-фил[ологического] Факультета Харьк[овского] Унив[ерситета]. Перемены это очень значительны и думаю, что к лучшему. Почему же Вы, Дмитрий Иванович, так скупы на эти известия? По крайней мере в Вашем письме ни слова не нашел о переменах. Не могу не позавидовать Бибику и в особенности Савве²⁰, приступающему к экзамену. При его подготовке и добром к нему отношении, вероятно, он пройдет без задержек. Много значит быть в университетском городе или по крайней мере, вблизи, иметь источники для более или менее правильных занятий, да еще по необходимости и не обременять себя учебной работой. Если Савва держит экзамен. То сообщите о результатах, а также - кто заменил Надлера и справедливо ли известие, что Буцинский приготовляет к печати материалы по истории колонизации Сибири и намерен выпустить в скором времени 2-ой том исследования.

В следующем году я намерен в Кавказском и Дерптском округе попытаться счастья по переводу в Россию. В первом, тогда, если не удастся в последнем. Надеюсь, что в Дерптском округе окажите содействие. Так или иначе, а в следующем году летом я обязательно буду в России. Если физически и нравственно очень буду плохо чувствовать себя, то, пожалуй, после проезда наследника уезду и теперь в Россию, хотя это сделать и крайне затруднительно, почти невозможно. “Киевскую Старину” не получаю.

Очень рад, что архив Харькова привлек работников, не забывают, пишите.

Сердечно преданный Вам

Н.Бакай

ИРНБУВ. - Ф.І. - Од.зб.45544. - Арк.1-2. Автограф.

Дорогой Димитрий Иванович!

Письмо Ваше я получил в конце Декабря и обрадовался настолько, что не помню, когда я находился в подобном веселом настроении в Сибири. Прежде всего я сердечно рад, что Вы, Марья Васильевна и семья Ваша здоровы. Единственно, чем я

объяснял Ваше молчание это - болезнью в прошлую тяжелую осень кого-нибудь в семье. Послать телеграмму я не решался; а послал в середине Ноября Вам письмо, на которое ожидал ответа, но наши письма разошлись. Сердиться на Вас я не думал. Да и могу ли я при том теплом расположении, которое всегда встречал от Вас и Марии Васильевны, решительно без всяких данных предполагать, что наши отношения с отъездом моим в Сибирь изменились? Кроме того, я позволю себе напомнить еще об одном... Ведь Вы, Димитрий Иванович, дали мне сильное средство для борьбы с нравственными невзгодами, дали, научили пользоваться им, и я всегда видел у Вас в кабинете, как средством этим пользовались и Вы. Средство это - научные занятия. Трудно сказать, что было бы со мною за четыре года в Сибири, если бы не университет, т.е. собственно Вы не научили меня дорожить книгой и свои скромные знания прилагать к дальнейшему развитию исторических сведений. Положим, что мои занятия в итоге дадут лишь мелкие крупички для истории, но они всегда были полезны для меня и сохранили меня в нравственном отношении, они полезны были для школы, так как пробуждали мысль и заставляли по мере сил увеличивать и запас сведений, и опытность. Вы видите, Димитрий Иванович, чем я Вам еще обязан и за что всегда буду благодарен. Пишу все это, конечно, вполне искренно. Впрочем, я хотел Вам высказать это же при ближайшей нашей встрече, но высказываю теперь, раз речь зашла о наших отношениях. Итак, я всегда глубоко ценил Ваше доброе расположение ко мне, не сомневался в нем и всегда помнил Вас и Марию Васильевну.

Что же касается, почему не написал Вам до каникул, то это объясняется не только тем, что ожидал от Вас ответа, но еще и другими обстоятельствами. В начале Мая в виду проезда Наследника, к нам приехал Главный Инспектор училищ Восточной Сибири из Иркутска для ревизии; в то же время экзамены были ускорены, так что ученики отвечали без подготовки, и в один день приходилось присутствовать на двух и более экзаменах. Времени решительно не было. К концу Мая я едва не свалился с ног. Был день, когда мне пришлось экзаменовывать с не большим перерывом с 9 ч[асов] утра до 12 ночи на 3-х экзаменах. Инспектор страшно затягивал ответы. В общем у меня все сошло удовлетворительно и я получил лично от инспектора благодарность. Едва окончились к 5 Июня экзамены, как начались усиленные подготовки гимназистов к приезду Наследника. Подготовки эти состояли в ежедневных занятиях гимназистов военной маршировкой (классные наставники были наблюдателями), обучение их тем ответам, какие, по предположению, они должны будут давать Наследнику, если бы он обратился к ним с вопросом, наконец в распределении учебных пособий в новом здании гимназии, которое едва было окончено к приезду Цесаревича. Приезд состоялся 1-го Июля. В гимназии Наследник пробыл около часу. Принял подарок - альбом видов Красноярска, работа нашего учителя рисования Рутченко. Военная маршировка по команде Наследника сошла удачно. Вообще прием окончился благоприятно; есть предположение, что Красноярская гимназия будет названа гимназией Цесаревича Николая. На другой же день после отъезда Наследника, я немедленно на пароходе уехал на юг Енисейского края в топкие дебри, откуда послать письма нельзя было. С приездом в Августе мне пришлось невольно увеличить количество уроков до 26. В Августе ко мне обратились ученицы женской гимназии, окончившие 7-й класс, с просьбой взять на себя преподавание истории в 8-м классе, т.е. открыть историческое отделение, и заявили готовность взять на себя содержание этого отделения, если бы встретилось затруднение в попечительном совете. Я отказался. Просил об этом и директор. Я снова отказался. Наконец, опять просили ученицы, я дал согласие и вот теперь в

первый раз в 8 классе ж[енской] г[имназии] читается история. В начале года трудновато было с методикой истории, но теперь, слава Богу, получил пособия и дело идет, кажется, удовлетворительно. Не могу еще вполне привести в порядок курсы в мужской гимназии, так как здесь преподавание было запущено. Собственных занятий я тоже не забывал: прочел имеющиеся здесь источники по Русской истории, придерживаясь Ваших указаний, прочел несколько исследований; наконец, предполагаю совершенно закончить к концу мая выборку материалов из “Акт[ов]” для истории заселения Восточной Сибири. Если бы исследование Буцинского вышло раньше, то я едва ли бы и тогда отказался от этой темы: Буцинский безбожно игнорирует печатные материалы; также, вероятно, он поступит и с рукописными. В виду того, что я предполагаю быть в России следующим летом, что отпуск здесь получить крайне трудно (я рассчитываю на полугодовой отпуск с содержанием) и я поспешил с выборкой материалов, чтобы располагая в России архивным материалом увеличить печатный.

В конце Октября меня посетил В.И.Семевский²¹, объехавший всю Восточную Сибирь с целью собрать материал для истории приисковых рабочих в XIX в. Он настаивал на необходимости открыть архивную комиссию, но я указал ему на отсутствие работников и отказался взять на себя инициативу в этом деле. Я, между прочим, расспрашивал его о характере маг[истерского] экзамена в Петербургск[ом] университете. Он сообщил, что там главнейшие требования и в настоящее время сводятся к сочинению, в пределах которого, главным образом и производится экзамен. Впрочем, все это выяснится обстоятельно, если мне удастся посетить Россию. Относительно перехода на службу в Россию я согласен вполне; большое Вам, Дмитрий Иванович, спасибо за те хлопоты, которые Вы взяли на себя по этому делу. Долго я раздумывал над выбором - Кавказ или Дерпт... Пришел к следующему заключению. Хорошо, если бы мне пришлось быть на Кавказе северном, а если предложат на юге и опять в глушь, вдали от центров научных? Что тогда? В виду этого хотелось бы переселиться в Дерптский учебный округ, так как отсюда близко и к Москве, и к Петербургу. Поэтому-то посылаю Вам прошение на имя попечителя Дерптского учебного округа. Но, если бы Вы получили ответ неблагоприятный, то в таком случае, конечно, согласен и на Кавказ в какой угодно угол, так как оттуда можно скорее выбраться. Посылаю два прошения и попечителю Кавказск[ого] учебн[ого] округа, не обозначая точно.

Сердечный поклон Марии Васильевне, Наташе, Оле и новорожденному. искренно преданный Вам. Н.Бакай.

Прошения и оттиски будут высланы дня через два. Н.Б.

ИРНБУВ. - Ф. I. - Од.зб.45545. - Арк.1-6. Автограф.

№11

1892 года, 9 Февраля

Дорогой Дмитрий Иванович!

Получил от Вас и второе письмо, но только сегодня отвечаю на него и вместе посылаю брошюры библиотекам и попечителю Дерптск[ого] Учебн[ого] Округа. Замедлил ответом не по своей вине: в письме от 14 января, которое Вы вероятно, уже получили, я писал Вам о болезни, которая постигла меня в Январе, но едва начал поправляться, как новая болезнь - жаба уложила в постель. И вот только два

дня тому назад я вышел в Гимназию, но с тем, чтобы больше не болеть. В течение Января у нас не было дома, чтобы не было больных. Больше всего распространены были: инфлюэнца, воспаление легких, тиф, оспа и горловые болезни. В Иркутске все учебные заведения закрыли, но наш директор по неразумному упорству настоял, чтобы занятия продолжались и результат получился следующий: 5 учителей было больных, в классах половина учащихся отсутствовала. В течение всего Января стояли жесткие морозы от 30-38°. Занятия прекращаются лишь после 40°. Теперь легче: морозы не более 15-20°.

О смерти А.А.Потебни я узнал на второй день Р[ождества] Х[ристов] и послал в Томскую газету “Сибирский Вестник” небольшую статеечку, посвященную памяти Ал[ександра] Афан[асьевича] [Потебни] напечатанную в №7-м. На днях получил первую книжечку “Киевской Старины”, где прочел статью Никол[ая] Фед[оровича] [Сумцова] и увидел прекрасный портрет А.А. [Потебни]. Преподаватели русского яз[ыка] у нас и в Томске с большим нетерпением ожидают выхода в свет посмертных трудов А.А., о времени напечатания которых, хоть приблизительно, Вы не откажите сообщить мне. На первой неделе поста, согласно установленному сроку, я подаю прошение директору гимназии об отпуске с 1-го Августа и 4 месяца, который может мне разрешить лишь Генерал-губернатор, каникулярное же время отпуск может выдать директор самостоятельно, так что я могу получить в общей сложности отпуск на 5 месяцев. Я единственно теперь живу надеждой, после этого письма сообщите, где Вы намерены проводить лето? Вместе с этим письмом посылаю и прошение Попеч[ителю] Дерп[тского] Учебн[ого] Ок[руга] которое из прошений более удобным послать, полагаюсь на Ваше усмотрение. Кавказскому попечителю не посылаю согласно Вашему последнему письму. Еще раз благодарю за то участие, которое Вы принимаете в деле моего перехода в Россию. Билет на выкуп медалей не высылаю в виде гото, что % уже выплачен по Июнь и следовательно, [обрив листа].

Две марки приложены для прошения. Одну из них употребите сами, вторую прилагаю при прошении для ответа. Если бы дело окончилось успехом!

[13.I. 1892] П... числа, я проставил лишь месяц, так как посылка этих прошений зависит от ответа из Дерпта. Числа на прошении не откажите сами проставить. Вообще же это только мои соображения. Но как Вы признаете наиболее целесообразно поступить с прошениями, так и поступайте. При прошениях высылаю и мои брошюры, быть может, Вы сочтете нужным, как найдете сами, приложить их к прошению. Попечителю Кавказск[ого] учебн[ого] Округа я года два тому назад послал брошюрку “К вопросу об изучении Сибири”, получил от него любезную благодарность, а потому для него этой брошюрки не посылаю. Если получу отпуск (это выяснится лишь в Апреле), сообщу Вам телеграммой, чтобы Вы знали когда я выеду и если получите какие-либо сведение из округов, то куда его направить. Хорошо бы было, если бы назначение мое, т. е. перевод состоялся тогда, когда окончится отпуск, чтобы мне не в Августе приступить к занятиям, а хоть с месяц в России отдохнуть. Это очень было бы полезно. Еще раз спасибо за хлопоты.

Сейчас заканчиваю небольшую статью, основанную на сыром архивном материале: “Страничка из истории народного образования в Восточной Сибири в конце XVIII века”. Речь идет об учреждении и ходе занятий в Красноярском народном училище по инструкции Екатерины В[еликой]. Куда ее направить - не знаю. Кроме того, вероятно, к лету окончу статью из истории колонизации “Мангазея - исчезнувший город Восточной Сибири и его торговое значение в XVII веке”.

Последнюю статью думаю в виде реферата прочитать в Харьковском Истор.-Фил. Обществе. Если уже отпечатаны оттиски моей статьи по Левобережью, то не откажите выслать. За присланную книгу и оттиски очень благодарю. Начал это письмо на 2-й день нового года, а оканчиваю лишь сегодня 13-го Января. Проболею с 3-го дня нового года инфлюэнцей и довольно тяжело. Теперь совершенно оправился. У нас нет дома, где бы не было больных. Такой зимы никто здесь не помнит. 7-го января навестил меня директор.

ИЛНАУ. - Ф.37. - Спр.269. - Арк.1-4. Автограф.

№12

Москва, 1892 года, Октября 22 дня.

Простите, дорогой Дмитрий Иванович, что так долго не отвечал на Ваше письмо, полученное мною вместе с деньгами 20-го Сентября. Работы было так много в архивах и библиотеках, что у меня, право, не было ни одной минутки свободной, к этому присоединились еще хлопоты о домашних делах и об устройстве своей семьи: 16-го Сентября я обвенчался с бывшей преподавательницей Красноярской женской гимназии Ольгой Николаевной Поповой, 24 Октября выезжаю в Сибирь.

Занятия постоянные в архивах продолжались до 14-го Октября; в архиве Министер[ства] Иностр[анных] Дел для своей работы я нашел немного материалов; но зато найденное имеет большое значение. Отношение служащих в архивах ко мне было в течение всего времени превосходное и, право, архив юстиции я оставил с большим сожалением. В самом конце моих занятий в архиве этом произошло событие, имевшее весьма печальные последствия для занимающихся. В течение последних 2-х лет в архиве работал по истории Малороссии преподаватель 1-й московск[ой] гимназии - Эйнгорн. В одной из книг "Киевск[ой] Стар[ины]" он поместил документы, заключающие отрицательные данные о деятельности воеводы Шереметьева. Историк рода Шереметьевых Барсуков, доведя работу до того момента, к которому относится документ, напечатанный Эйнгорном, игнорировал этот документ. По этому поводу в архиве Юстиции между Барсуковым и Эйнгорном произошло резкое объяснение. Барсуков оправдывался тем, что напечатанный документ заключает отрицательные данные о деятельности Шереметьева, а потому он на него и не сделал ссылки. Эйнгорн после этого разговора почему-то начал бояться, чтобы подлинник из столбца не был выкраден. Немедленно потребовал этот столбец и, к своему удивлению, документа не нашел. Тогда он с развернутым столбцом обратился к Самоквасову²² и изложил ему всю историю. Начинается суэта; после тщательного пересмотра столбца документ найден, но Самоквасов, дабы на будущее время прекратить возможность подобных случайностей, издает крайне тяжелые правила для занятий в архиве: получить столбец можно только в том случае, если об этом будет заявлено за два дня до начала занятий; такой столбец поступает в канцелярию, где его перенумеруют. После занятий библиотекарь, при возвращении столбца пересматривает каждую страницу; больше одного столбца зараз требовать нельзя, новый столбец можно требовать, возвратив прежний. все удивлены в Архиве такими распоряжениями. Я очень счастлив, что занимался до этого момента. Только благодаря тому, что мне можно было зараз получать 3-4 столбца, я и мог успеть достаточно сделать.

Не откажите, Дмитрий Иванович, по получении этого письма выслать магистерскую программу в Красноярск на мое имя; если можно, то и лекции по

географии. Марии Васильевне шлю поклон; дочек целую. Ольга Николаевна Вам и Марье Васильевне шлет свой поклон.

Любящий Вас Н.Бакай.

За присылку денег благодарю. Возвращу из Красноярска.

ИР НБУВ. - Ф. I. - Од.зб.45546. - Арк.1-2. Автограф.

№13

Долго же, дорогой Дмитрий Иванович, пришлось ожидать от Вас письма. По газетам я внимательно следил за археологическим съездом; из отчетов в “Русск[их] Вед[омостях]” узнал, что Вы на съезде читали реферат, посвященный археологическим памятникам Харьк[овской] губ[ернии], ожидал от Вас из Москвы письма, но его не было. Делал запрос телеграммой знакомым - в Харькове ли Вы - мне отвечали, что Вы в Харькове. Молчание Ваше все же продолжалось. Волей-неволей пришлось позадуматься над причиной молчания. Вспомнил прошлое, припоминал настоящее и решительно не мог ни в чем обвинить себя по этому поводу. Тем не менее, чем больше проходило времени, тем тяжелее становилось на душе и без того многими и многим озабоченной. Не хотелось верить в то, что хорошие отношения могли прерваться. Говорю откровенно и искренно, для меня бы это было слишком тяжело. Поэтому можете себе представить, как я обрадовался, когда получил от Вас письмо, хотя добавлю очень краткое, но и за то спасибо. Не откладывая ответа в долгий ящик, отвечаю Вам немедленно.

Сердечно поздравляю Вас с новым членом семьи! То-то, думаю, опять суеты было? Впрочем теперь Вы несколько опытнее.

С Октября и у нас много, много кой-чего нового, но, к сожалению, все новости грусть вызывающие. Начальница, возвратившись из Петербурга, привезла новых (3) классных дам, которые оказались крайне недобропорядочными. В гимназии развилось сплетничество и лучшая часть учебно-воспитательного персонала подверглась сплетням, а потом нападкам как со стороны начальницы, так и председателя педагогического совета. До чего у нас могут глумиться над человеком лучше всего видно из того, что мне пришлось видеть в учительской и коридоре истерические рыдания лиц, принадлежащих к числу воспитательниц и учительниц; все это вызвано было слишком неуместными и грубыми выходками начальницы. Появились о последней и две резкие статьи в местных газетах. Общество, дети и преподаватели относятся к ней враждебно. Но когда гимназия избавится от нее не ведаю. Во всяком случае это будет счастливый день в жизни гимназии. Да, нужно быть здесь, видеть “этого педагога в черной юбке”, слышать резкий нахальный тон, чтобы понять положение людей, поставленных в зависимость от своего рода Салтычихи. Право, бывают недели, когда идешь в гимназию и чувствуешь, что как будто тебя в яму опускают. Конечно, у меня лично никаких резких столкновений с начальницей не было, да едва ли и будут, ибо она в наше дело почти не вмешивается. Но ведь нельзя же быть равнодушным и ко всему окружающему, которое так растравляет нервы, что ослабляет и учебные занятия. Были, впрочем, поползновения у начальницы вмешаться и в дело нашего преподавания, да окончились неудачей: раз за резкий тон по отношению к одному из преподавателей она получила выговор от председателя педагогического совета. Что будет дальше посмотрим. Работы у меня гибель. Едва, едва кое-как справляюсь с учебным делом - 27 уроков и 4 специальности

положительно заедают. Много возни с педагогикой, навязанной мне насильно. Как идет у меня преподавание, сказать сам не могу, хотя и приходилось слышать отзывы положительные. Но я сам отношусь к себе критически и почти каждый день замечаю пробелы, которых, конечно, не было бы или было бы меньше, если бы я попал только лишь на свою специальность. А то и передохнуть некогда. Усталый, измученный физически и нравственно, возвращаешься домой из гимназии, а там или тетрадки или спешная подготовка к урокам ожидает тебя, чем дальше, тем большую чувствую усталость и голова едва работает. О своих научных занятиях только с грустью подумываю, но делать для этого почти не приходится ничего. Пробовал серьезно заняться, но выходит все отрывочно, и пока вполне не освоюсь со своим положением, систематические научные занятия немыслимы. В последнее время немного познакомился с историей Сибири. 3-го Декабря читал на акте речь: “К вопросу об изучении истории Сибири” в которой, между прочим, провел мысль о необходимости учреждения в Красноярске Енисейской губернской архивной комиссии, но, конечно, мое желание останется гласом вопиющего в пустыне. Впрочем в недалеком будущем думаю подать докладную записку генерал-губернатору о мерах охранения архивных документов. Речь моя в настоящее время в типографии; экземпляр Вам вышлю. Иногда подумываю о будущем: как сложится моя жизнь дальше, конечно, неизвестно, но может случиться и так, что я в Сибири останусь, если не навсегда, то надолго, надолго. Без постороннего дела, т.е. собственных занятий по истории, пока еще не опустил, жить не могу, а поэтому, естественно, что кроме подготовки я, быть может, кое-что сделаю и для местной старины. Предполагаю даже проникнуть через год в каникулярное время в Туруханский край и в места знаменитой Мангазеи. В одном из №№ “Сибирск[ого] Вестн[ика]” поместил небольшую статью “О Миллере, как историке Сибири”. Жаль, что из педагогов гимназии никто стариной не интересуется. В учительской семинарии интересуются лишь археологией. Приходится идти во всех местных занятиях ощупью, что не совсем удобно.

Сообщите, пожалуйста, как на археологическом съезде отнеслись к реферату Ядринцева? Кроме того, сообщите имя и отчество Оглоблина и, если можно, вышлите хоть свою визитную карточку, чтобы я, если буду летом в Москве, мог бы иметь более легкий доступ в архив Мин[истерства] Юстиции. Об этом я просил Вас и в предшествующем письме. Какая участь постигла диссертацию Ласкина и Будинского? Последнюю прочитал внимательно. Если бы мне можно было поработать свободно года два, то, вероятно и я бы смастерил нечто подобное. Читал о ней отзывы - хвалят, а пробелов там немало. Впрочем, если за работу Андриевича выдали премию, то сочинение Будинского и подавно можно хвалить. Рад, что архив Малор[оссийской] Коллегии приобретает, благодаря Вашим стараниям, определенное положение. Сожалею о Лашкевиче²³. Что-то будет с “Киевск[ой] Стар[инной]”? В “Сибирск[ом] Вестн[ике]” от времени до времени я помещаю отзывы о ней. Письма жду от Вас с нетерпением. Купить для Марьи Васильевны мех хороший и недорого потерял всякую надежду. Выслали из тайги лисицу, но, по отзывам местных сведущих людей, и некрасивая, и испорченная. Уплачивать финансы Вам начну после каникул. А медали, по всей вероятности, выкуплю на каникулах. Простите, что слишком неисправен. Домашних обременили.

Крепко жму Вашу руку. Искренно преданный Вам

Н.Бакай.

[1889-1890]

ИР НБУВ. - Ф.І. - Од.зб.45548. - Арк.1-6. Автограф.

Красноярск 2-го января 1901 г.

С новым годом!

Дорогой Дмитрий Иванович!

Приношу Вам искреннюю благодарность за хлопоты по предложению места в Томском техн. инст. Простите за долгое, долгое молчание...

Последний раз я писал Вам летом 1899 г. из Казани (куда ездил к Адамюку) и хотел узнать Ваш адрес, так как мне предстояло быть и в Полтав. губернию. Но, по приезде в Гадяч, так и не узнал, где Вы проводили каникулы. Совершенно неожиданно получил от Вас телеграмму в мае и думал было, кроме ответа телеграммой, писать, но инфлюэнца свалила с ног. Лето провел в Минусинском уезде на озере Широ, вдали от почтовых учреждений. По прибытии же в Красноярск, суждено было мне испытать тяжелый удар судьбы, последствия которых, наверно, не изгладятся в течение всей жизни: 10 августа заболела дизентерией моя единственная дочурка и 31 августа умерла... Еще раз спасибо за предложение места библиотекаря. Некоторое время я колебался, но потом решил отказаться ввиду дороговизны жизни в Томске и относительно малого оклада. Вероятно, это соображение заставило и других, кому предложена была должность библиотекаря, отказаться. Согласился на предложение, если не ошибаюсь, Водяников, бывший директор [Т]омской учительской семинарии, выслуживший уже пенсию. Занять же уроки в Томске при должности библиотекаря - едва ли было бы удобно, да и возможно.

Что касается моего положения в Красноярске, то в материальном отношении оно сносно: я получаю около 2500 рубл. (при 28-30 уроках). Правда работать приходится много. Особенно тяжело было мне с 1897 по авг. 1900 г., когда я нес секретарские обязанности. В конце 1899 года почти одному пришлось выполнять большую работу по вопросу о желательных изменениях в организации средних учебных заведений, согласно Цирк[уляра] Мин[истерства] Нар[одного] Пр[освещения] Заседания педагогических советов велись крайне небрежно, без системы, преподаватели относились индифферентно, что в совокупности вызвало большие затруднения при составлении протоколов, отосланных в округа. Да и в настоящее время, хотя секретарем не состою, но все же приходится выполнять по поручению директора и педагогического [совета] то ту, то другую работу, не имеющую прямого отношения к моим преподавательским обязанностям. В отношении учебных занятий...

IP НБУВ. - Ф.І. - Од.зб.46414. - Арк.1-2. Автограф (без закінчення).

1922 - IX - 23.

Глубокоуважаемый Димитрий Иванович!

Пользуясь случаем - отъездом проф[ессора] Техн[ического] Института Я.И.Николина в Харьков на службу, решаюсь обратиться к Вам с просьбой об указаниях по следующим вопросам строительства архивного дела, сведения, по которым крайне были бы важны для Томского Губархива, заведующим которого я состою: 1) каким уставом и инструкциями руководствуются Губархивы Украины? Получают ли они же и другие - от Центархива или имеют самостоятельный центр[альный] орган? 2) как велик штат служащих Губархивов? 3) если есть местные издания на Украине по архивным вопросам, - то откуда их выписывают и сколько

стоять? 4) не откажите вообще поделиться сведениями, имеющимися у Вас по архивному строительству как на Украине, так и в центр[альной] России.

Лично о себе могу сообщить следующее: в 1917 г. в окт[ябре] умерла жена от миокардита, что так повлияло на здоровье, что в 1918 г. я, получив пенсию, вышел в отставку. Но пенсия плохо обеспечивала жизнь и я, несколько отдохнув, принял предложение по организации школьного дела на Зап[адно] - Сиб[ирской] жел[езной] дороге, а затем вскоре был избран ученым секретарем и членом основанного в Томске Института Исследов[ания] Сибири.

В 1920 г. по избранию ист[орико]-фил[ологического] фак[ультета] Томск[ого] Университ[ета] читал лекции по истории Сибири, архивоведению и истории России первой половины XIX в. до авг[уста] 1922 г., т.е. до закрытия Общ[ества] Иссл[едования] в Томск[ом] Университ[ете]. С начала 1920 г. состою заведующим Томским Губархивом. В последние годы делал доклады в Томск[ом] общ[естве] Истории, Археологии и Этнограф[ии] на темы: "К вопросу о литерат[урных] занятиях декабристов в Вост[очной] Сибири", (напечатан в "Сибир[ских] Огнях" за 1922 г., № 3); "Н.Чернышевский в последние дни в Сибири", "Первые декабристы в Восточн[ой] Сибири".

На днях получил приглашение на место преподав[ателя] русск[ой] истории в Пермском университете, но ехать туда не решаюсь, т.к. переезд сопряжен с значительными затруднениями. Живется тяжело, но жить приходится, пока живется.

Привет Марье Васильевне и всей семье. С нетерпением ожидаю от Вас ответа и остаюсь искренно уважающий Вас и преданный Вам Н.Бакай.

Адрес: Томск, Физический Корпус Технолог[ического] Института, Н.Н.Бакаю.
ИР НБУВ. - Ф.І. - Од.зб.45547. - Арк.1-2. Автограф.

---

¹**Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России**, собранные и изданные Археологической комиссией: В 15 т. / Ред. *Н.И.Костомаров*. - СПб., 1863-1892 (Т.3. 1638-1657. - СПб., 1861 (при сприянні П.О.Куліша).

²**Щоденник Станіслава Освенціма** - зберігався у Львові у відділі рукописів бібліотеки Осолінських, де його знайшов В.Б.Антонович. Уціліли тексти лише за 1643, 1644, 1645, 1646, 1647, частину 1650 (січень, лютий і березень) та 1651 роки.

³**Луцицький Іван Васильович** (1845-1918) - російський та український історик, громадсько-політичний діяч, професор Київського та Петербурзького університетів. Один з кращих для свого часу спеціалістів з історії землеводіння в країнах Західної Європи, зокрема Франції, автор праць з історії України. Як громадський діяч підтримував національно-культурні домагання української інтелігенції. Член Конституційно-демократичної партії (кадетів).

⁴**Яворницький (Еварницький) Дмитро Іванович** (1855-1940) - український історик, етнограф, археолог, письменник, академік ВУАН (з 1929), завідувач Дніпропетровської науково-дослідної кафедри українознавства, автор відомих праць з історії запорізького козацтва: "*Іван Дмитрович Сірко. Славний кошовий отаман запорізьких козаків*" (1874), "*Історія запорізьких козаків*" (Т.1-3, 1892-1897), "*Вольності запорізьких козаків*" (1898) та інш. Зібрав і видав значний фольклорний, етнографічний та лексикографічний матеріал. Писав художні твори.

⁵**Багалій Марія Василівна** (? - 1931) - дружина Д.І.Багалія.

⁶**Голубовський Петро Васильович** (1857-1907) - український історик, професор Київського університету. Основні праці присвячені давньоруським князівствам: "*Історія Северської землі до половини XIV століття*" (1881), "*Історія Смоленської землі до половини XV століття*" (1895), "*Критико-библіографічний обзор трудов по древнейшему периоду русской истории*" (1907).

⁷**Яблоновський Александер** (1829-1913) - видатний польський історик, археолог, видавець документальних джерел з історії України XVI-XVII ст.

⁸**Каресв Микола Іванович** (1850-1931) - російський історик, філософ, соціолог, академік Петербурзької Академії наук (з 1910), почесний член АН СРСР (з 1929). Професор Варшавського та Петербурзького університетів (1879-1884), член Державної думи (1906), кадет (1905-1907). Автор праць: "*Основные вопросы философии истории*" (Т.1-3, 1883-1890), "*История Западной Европы в новое время*" (Т.1-7, 1892-1917), "*Историки Французской революции*" (Т.1-3, 1924-1925) та інш.

⁹**Єфименко Петро Савич** (1835-1908) - український та російський етнограф, історик, член Харківсько-Київського таємного товариства, за участь у якому відбув заслання. Після повернення вивчав

статистику, побут українського населення Чернігівщини та Харківщини, керував виданням *"Харківського календаря"*. Чоловік О.Я.Єфименко.

¹⁰**Єфименко Олександра Яківна** (1848-1918) - російський історик народницького напрямку, етнограф, громадський діяч, перша жінка в Росії, яка одержала в 1910 р. вчений ступінь почесного доктора російської історії (від Харківського університету). У 1907-1917 рр. очолювала кафедру російської історії на Бестужевських курсах у Петербурзі, де викладала також історію України. Автор праць з історії українського народу. Трагічно загинула на Харківщині у роки громадянської війни.

¹¹**Сумцов Микола Федорович** (1854-1922) - український етнограф, літературознавець, громадський діяч, академік Всеукраїнської (з 1918), член-кореспондент Петербурзької (з 1905) та Чеської академії наук. Професор (1882-1922), декан історико-філологічного факультету Харківського університету, голова Харківського історико-філологічного товариства (з 1887), член кількох слов'янських наукових товариств. Автор понад 800 наукових праць.

¹²**Кушлевський М.О.** (1847 - ?) - юрист, професор і ректор Харківського університету, політичний діяч консервативного напрямку, один із засновників Всеросійського національного союзу.

¹³**Потєбня Олександр Опанасович** (1835-1891) - український філолог, мовознавець, громадський діяч, член-кореспондент Петербурзької Академії наук (з 1875). Професор Харківського університету (з 1875), голова Харківського історико-філологічного товариства. Головні праці: *"О мифическом значении некоторых обрядов и поверий"* (докторська дисертація, 1866), *"Мысль и язык"* (1892), *"Из записок по теории словесности"* (1905).

¹⁴**Надлер В.К.** (1840-1894) - російський історик, професор Харківського та Новоросійського університетів, викладав всесвітню історію. Спеціаліст з історії середньовічної Європи, історії Чехії та південних слов'ян.

¹⁵**Буцинський Петро Микитович** (1853-1916) - російський історик і громадський діяч консервативної орієнтації, професор Харківського університету. Досліджував історію України XVII ст., заселення Сибіру.

¹⁶Йдеться про Надлера В.К.

¹⁷**Лазаревський Олександр Матвійович** (1834-1902) - український історик, спеціаліст з історії Лівобережної України XVII-XVIII ст., генеалогії, історіографії. Його праці відзначалися критичною оцінкою історичної ролі української козацької старшини, документальним характером, мали концептуальний вплив на всю українську історіографію кінця XIX - початку XX ст.

¹⁸**Оглоблин Микола Миколайович** (1852-1906) - історик, архівіст, археограф. Працював у Московському архіві Міністерства юстиції.

¹⁹**Лаппо-Данилевський Олександр Сергійович** (1863-1919) - російський історик, академік Петербурзької Академії наук (з 1899). Професор Петербурзького університету та Петербурзького історико-філологічного інституту. Автор понад 150 праць з російської історії, джерелознавства. Підготував до друку значну кількість історичних джерел XV-XVII ст.

²⁰**Савва Володимир Іванович** (1865 - ?) - російський історик, доцент і професор Харківського університету (1895-1905, 1909-1917) та Ніжинського історико-філологічного інституту (з 1920), дослідник історії Росії XV-XVI ст.

²¹**Семевський В.І.** (1848-1916) - російський історик народницького напрямку, дослідник історії селянства, визвольного руху в Росії, доцент Петербурзького університету та Олександрівського ліцею, де зазнавав переслідувань за свої погляди. Один із організаторів Партії народних соціалістів.

²²**Самоквасов Дмитро Якович** (1843-1911) - російський правознавець і археолог. Професор Варшавського (з 1877) та Московського (з 1894) університетів, керівник Московського архіву Міністерства юстиції (з 1892). Основні праці: *"Основания хронологической классификации и каталог коллекции древностей"* (1892), *"Могилы русской земли"* (1908), *"Могильные древности Северянской Черниговщины"* (1916), *"История русского права"* (1888-1896).

²³**Лашкевич Олександр Степанович** (1842-1889) - український громадський діяч, історик. Земський і судовий діяч на Чернігівщині (1870 - 1880-ті), співробітник *"Киевской старины"*, активний член київської Старої громади (з поч. 1870-х), редактор-видавець *"Киевской старины"* (1888-1889). Автор праць з історії Лівобережної України XVIII ст.

To the M.M.Bakay's Biography and Epistolary Heritage / Preface, ordering and comments by G.M.STARYKOV

For the first time there are published letters of M.M.Bakay to D.I.Bahaliy which cover the questions of a public life and a condition of education of Siberia in the end of the XIX - in the beginning of the XX cent.

Отримано 10.09.2008